

С. Б. Никонова²**ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ
В СВЕТЕ ПОСТСЕКУЛЯРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ**

Для современности определяющими стали ценностные ряды, выработанные западной культурой, которая проявила такую сущностную экспансивность, что стала возможной глобализация всего мира по западному образцу. Специфика западной культуры определена развитием критического мышления, антропоцентрической ориентацией, приоритетом рационального осмысления над иррациональными верованиями. Иногда утверждается, что для западного мышления свойственны механицизм и утилитаризм, но, скорее, эти черты следуют из общего рационально-критического порыва, как следуют из него и возрастающая значимость понятия свободы, и распространение принципа значимости человеческой личности. Развитие гуманитарного знания — такой же плод западной культуры, как и развитие знания естественно-научного, при этом ее прагматизм идет рука об руку с романтизмом. «Хищнический» характер западного мышления нельзя отрицать, но экспансия обусловлена не большей интенсивностью воли к власти, а большими возможностями для ее осуществления, предоставляемыми критической рациональностью.

В итоге ситуация оказывается двойственной как с теоретической, так и с практической точки зрения. Распространяя свой критический способ мышления, Запад лишает мир возможности придерживаться старых метафизических ценностей и способов поведения, развенчивая их как невротические адаптации, иллюзии и заблуждения, принимаемые на веру без осмысления.

Этим актом критическое мышление уравнивает традиции в правах, но в то же время и обесценивает их, благодаря чему они теперь могут сосуществовать. Также это означает утверждение превосходства ценностного ряда западной культуры над всеми другими. Только мышление, вышедшее на метауровень — к признанию равенства различных, — имеет приоритетное право на господство. Как политическое следствие возникает глобальная экспансия, бесконтрольное навязывание не только своих ценностей, но и своей реальной власти, претензия на абсолютную гегемонию, которая входит в противоречие с утверждаемым равенством.

Этическую противоречивость проекта европейской рациональности наглядно демонстрирует английский социолог З. Бауман. В работе «Актуальность Холокоста» он спорит с распространенным убеждением, что ужасы массового уничтожения этнических групп представляют собой следствие краха цивилизации и всплеск животного насилия, столь неглубоко скрытого под хрупким покровом культуры. Бауман напрямую связывает Холокост с развитием цивилизации и рациональности — в качестве их закономерного проявления, такого же, как рациональная организация труда, моральная ответственность гражданина и работника в условиях буржуазного государства и многое другое, что создается в процессе упорядочивания и оформления человеческого мира на рациональных основаниях. Холокост — это устранение «лишнего элемента», мешающего становлению идеального порядка, но устранение не агрессивное, яростное, каковыми были на протяжении истории регулярно повторяющиеся вспышки ненависти и акты геноцида, но планомерное и бюрократически скучное — что придает ему еще большие ужас и масштаб. Об этом же свидетельствует и развитие в XX веке литературного жанра антиутопии, поскольку антиутопические конструкции описывают, по сути дела, то же, что и старые утопии. Только утопии верят

² Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор философских наук, член Ученого совета СПбГУП. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Эстетическая рациональность и новое мифологическое мышление» (монография), коллективных монографий «Экологическая эстетика: проблемы и границы», «Концептуализация Homo Aestheticus. История и рефлексия», учебного пособия «Сравнительная культурология. Теоретическое введение» и др.

в то, что рациональность и упорядочивание приведут нас к идеалу, а антиутопии видят ужас того, что может произойти при утверждении действительно рационального порядка.

Бауман показывает, что тоталитарные системы — прямое следствие развития западной рациональности. Противоположностью их является либеральное общество. Либерализм подчеркивает право людей на свободное проявление себя, на утверждение своих различий. С точки зрения либерализма ни один элемент не может быть признан лишним, ни один не может быть уничтожен, все прекрасны в своем различии. Именно поэтому главной ценностью либерализма является толерантность — готовность к принятию другого в его различии. Для либерализма также существует некий «лишний» элемент, который должен быть устранен. Этот элемент — не-толерантность. Можно быть толерантным к кому угодно — но нельзя быть толерантным к нетолерантному. А значит, правом на существование в толерантной системе обладает только сам либерал. Этот сбой является сугубо логическим, но если на практике либеральная установка должна обеспечить каждому право на проявление особенностей, разрешить все, не подавлять и ни в чем не ограничивать никакие свободы, то в конечном счете любое проявление свободы окажется насилием по отношению ко всем остальным, а следовательно, любое проявление свободы должно быть запрещено.

О парадоксах либерализма в своей книге «Случайность, ирония и солидарность» рассуждает американский философ Р. Рорти. Он утверждает многообразие способов жизни, речевых практик и «словарей» мироописания, которые, с его точки зрения, нужно воспринимать не как способы выражения истинного знания о мире или информирования, но только как способы приспособления к миру и друг к другу. Вслед за Ницше он полагает язык «подвижной армией метафор», утверждает художественное многообразие картин мира. Р. Рорти обнаруживает, что в рамках развития рациональности и попыток сформулировать единую систему морали, обладающую общими законами и критериями, которые позволили бы нам выстроить наиболее совершенное сообщество, никакого решения до сих пор найдено не было и, судя по всему, найдено быть не может. Наиболее обобщенная мораль, устраняющая любую жестокость и утверждающая свободу любого разумного существа в сообществе других разумных существ, ведет к максимальной степени ограничения свободы и к максимальной жестокости. Какие бы мы ни создавали правила, мы всегда будем противопоставлять рациональный порядок иррациональным «лишним элементам», а значит, на выходе, как бы мы ни старались быть гуманны, получим систему тоталитарного образца.

Чтобы преодолеть имеющееся противоречие, Рорти предлагает отказаться от построения общей системы морали и поиска выхода на путях рационального научного подхода. Именно в опоре на чувство, на индивидуальный опыт и частные ситуации Рорти видит шанс для развития либеральных ценностей, а не в установлении общего либерального закона для всех. В этиче-

ском действии он предлагает двигаться не от общего правила, касающегося всех людей или всех разумных существ, к частным случаям, а от частных случаев — к их распространению на все большее количество разнообразных существ. Рорти предлагает, по сути, антикантовский принцип морального поведения. Если Кант полагал необходимым опираться в своих действиях только на долг, но не на склонность, то Рорти обнаруживает в опоре на долг вопреки склонности скорее опасность, подтвержденную катастрофическими событиями последнего столетия. Как ни странно, опора на склонность оказывается надежнее в человеческих отношениях, несмотря на то, что многие склонности и страсти человека являются разрушительными для культурного порядка.

Можно предположить, что именно процесс цивилизации, подчинения правилам, подчинения традициям и законам, какими бы жестокими они ни были, воспитал в человеке нечто вроде морального чувства и долга. Процесс же подчинения долгу, рациональное и критическое осмысление своих действий и действий других позволили человеку осознать себя в отношении к другому и понять, что жестокость ужасна, даже если это жестокость ради соблюдения своих традиций и утверждения своей истины. И вот таким образом сперва выдрессированный законом, а после воспитанный и осознавший себя в качестве свободного субъекта человек оказывается наконец способным опереться на собственное чувство, поскольку оно является более гуманным, чем любые схемы и правила, которые теперь лишь ограничивают его внутренний порыв.

Как ни странно, в таком подходе, который предлагается теоретиком иронии, видящим противоречия и опасности иронического отношения к либеральным ценностям, можно увидеть совпадение с позицией, которая некогда была сформулирована в христианском мировоззрении. Неслучайно современный итальянский философ Дж. Ваттимо в работе «После христианства» ссылается на принцип, сформулированный Августинем Аврелием как закон благодати в граде Божиим: «*ama et fac quod vis*» — «возлюби и тогда делай, что хочешь»¹. Но возлюбить, обрести благодать, которая обретается не в итоге следования каким-либо правилам, но как уникальное событие веры, как чудо — вот что есть самое сложное, самое непредсказуемое и недоступное для формализации.

И тем не менее Ваттимо полагает, что развитие христианской культуры неуклонно ведет нас к царству благодати. Мало того, он полагает, что современные секуляризационные процессы, которые проявляются в отказе человека от рабского подчинения внеположному Богу-господину ради критического осмысления своих собственных моральных установок и действия на основании свободы — это истинная цель христианского проекта, истории спасения, начавшейся, когда дух снизошел к людям, устранив границу между человеческим миром и божественной трансценденцией. Ваттимо ссылается на философию истории средневекового богослова Иоахима Флорского, учившего о трех эпо-

¹ Ваттимо Дж. После христианства. М.: Три квадрата, 2007. С. 57.

хах отношения человека с Богом, которые мыслятся по аналогии с ликами Троицы: «Символы священных текстов говорят нам о том, что существуют три состояния мира. Первое состояние — то, когда нами правил закон; второе — это такое состояние, когда мы живем в благодати; третье состояние, которое скоро должно наступить, — это состояние, когда мы будем жить в еще большей благодати. Первое состояние прожито в рабстве, для второго характерно сыновнее послушание, знаком третьего станет свобода. Первое отмечено страхом, второе — верой, третье — любовью к ближнему. Первый период — это период рабов, второй — период сыновей, третий — это период друзей. Первое состояние восходит к Отцу, который является творцом

всех вещей; второе принадлежит Сыну, снизошедшему до нашей мирской грязи; третье — Святому Духу, о котором Апостол говорит: „Там, где Дух Господа, там свобода »¹.

Таким образом, Ваттимо предполагает, что неустойчивое, противоречивое состояние, когда все старые ценности, подчинявшие нас строгому закону, оказываются отвергнутыми и забытыми, а новые законы, извлеченные из собственной рациональности, показывают свою жуткую сущность и приводят к катастрофам, дискредитируют себя и также отвергаются как жестокие, дает нам шанс (он подчеркивает: не гарантирует, но лишь дает шанс²) на переход к третьей эпохе — эпохе духа, или эпохе благодати.

¹ Ваттимо Дж. Указ. соч. С. 38–39.

² Там же. С. 64.